

Провославіе и большевизмъ

Событія, происходящія въ Россіи на тринадцатый годъ ея коммунистическаго плѣна, въ какой-то плоскости можно и нужно разсматривать какъ бурное, вулканическое броженіе религіозной стихіи.

Борьба безбожія съ христіанствомъ не есть борьба только политическая, а главнымъ образомъ борьба *религіозная*.

Совѣтское безбожіе не официальный атеизмъ лаическаго государства, не атеистическое *міросозерцаніе*, а именно *религія*, — своеобразная, изувѣрская, изнанка самаго понятія *religio*.

Если мы вдумаемся въ тѣ злобно-насильническіе методы при помощи которыхъ безбожіе насаждается въ Россіи, въ свирѣпый истребительный фанатизмъ официально покровительствуемаго властью «союза безбожниковъ», то у насъ не останется сомнѣній въ томъ, что передъ нами самая подлинная *секта*, исповѣдующая *черную вѣру*, которая нынѣ объявлена, господствующей религіей С.С.С.Р.

Черная вѣра эта имѣетъ свой *катехизисъ*, свой *культъ* богоненавистничества и не терпитъ никакихъ проявленій богопочитанія. Антирелигіозные карнавалы, суды надъ Богомъ, процессіи около мавзолея Ленина и поклоненіе его «мощамъ», пѣсни и частушки, которымъ обучаютъ въ совѣтскихъ школахъ точно такъ же, какъ прежде обучали молитвамъ; «октябрины» и гражданскія похороны — суть ритуальныя проявленія этого культа, несомнѣнно содержащаго въ себѣ *мистико-патологическіе элементы* хлыстовскихъ радѣній.

Маленькихъ «піонеровъ» воспитываютъ какъ будущую жреческую касту, съ дѣтства одурманивая ихъ остро дразнящими переживаніями активнаго кощунства.

Если бы совѣтская власть имѣла въ виду истребленіе «сுவѣрій» путемъ «научнаго просвѣщенія» массъ, то она не изгоняла бы изъ школъ и университетовъ тѣхъ подлинно научныхъ и философскихъ трудовъ, которые расшатываютъ и опровергаютъ основы материалистическаго міропониманія. И не даромъ въ Россіи теперь строго запрещены всякія публичныя дискуссіи на те-

мы объ утвержденіи и отрицаніи религіи, которыя иногда допускались въ первые годы совѣтскаго владычества; результаты этихъ дискуссій оказывались противорѣчащими видамъ большевистской пропаганды всякій разъ, когда къ участию въ преніяхъ или къ чтенію докладовъ допускались представители духовенства или просто образованные люди изъ православныхъ мірянъ.

Что совѣтская власть отнюдь не проповѣдуетъ атеизмъ путемъ свободнаго обсужденія религіозныхъ и научныхъ установокъ, а именно приказываетъ *вѣрять въ безбожіе*, насъ убѣждаетъ весь строй жизни въ С.С.С.Р.

Отмѣна религіознаго преподаванія въ школахъ есть не болѣе, какъ фикція, значущаяся только на бумагѣ. Если мы, напримеръ, сравнимъ въ этомъ отношеніи совѣтскія школы съ французскими, то мы увидимъ, что большевики не только не упразднили самага предмета преподаванія, а сдѣлали его основой всего обученія и воспитанія. Разница вишь въ подмѣнѣ одного предмета другимъ, или вѣрнѣе говоря въ выворачиваніи его на изнанку, въ извращеніи его идеи. Во французскихъ государственныхъ школахъ изъять законъ *Божій*, въ совѣтскихъ школахъ онъ замѣненъ *закономъ безбожія*, столь же обязательнымъ и первостепеннымъ.

И вообще С.С.С.Р. отнюдь не лаическое государство, утверждающее свободу совѣсти, а какая-то безобразная карриатура на старую самодержавную Россію до 17 октября 1905г. Въ С.С.С.Р. точно такъ же какъ въ Россіи царской, полнота гражданскихъ правъ опредѣляется вѣроисповѣдной принадлежностью даннаго лица, съ тою лишь разницею, что большевизмъ не допускаетъ отъ своей государственной религіи никакихъ отступленій. Прежде въ Россіи въ школѣ и въ арміи для всѣхъ православныхъ устанавливалось обязательное, ежегодное говѣніе. Теперь и тутъ и тамъ, для всѣхъ безъ изъятія, установлены обязательныя *безбожныя радѣнія*. Совѣтская власть не только своимъ ответственнымъ работникамъ, но даже рядовымъ служащимъ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, позволяетъ быть религіозно-индифферентными. Она требуетъ удостовѣренія, свидѣтельства объ исполненіи *«антирелигіозныхъ обязанностей»*, она требуетъ присутствія своихъ войскъ и своихъ школьникоу на безбожныхъ и богохульныхъ «торжествахъ», точно такъ же какъ прежде русской императоръ требовалъ присутствія своихъ полковъ на крещенскомъ парадѣ.

И не даромъ большевики, сорвавъ иконы со стѣнъ общественныхъ учрежденій, не оставили этихъ мѣстъ просто пустыми, а на мѣсто христіанскихъ эмблемъ назойливо выставили свой «священный знакъ» въ видѣ красной звѣзды, тѣмъ самымъ уничтожая всякій смыслъ своего лозунга — «религія — опіумъ для народа».

«Опіумомъ» оказалась не религія, не христіанская церковь, а именно *черная вѣра* большевизма. Опіумомъ одурманивъ своихъ адептовъ, она толкнула ихъ на насильственное отравленіе русскаго народа. Секта безбожниковъ всей православной Россіи объявила открытую войну. Удушливыми газами провокаціи, лжи, публичнаго богохульства, офіціально поощряемаго разврата, умственнаго и моральнаго гнета, повсемѣстнаго шпіонажа и кроваваго террора, верховные жрецы безбожія, держащіе въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти въ С.С.С.Р. пытаются лишить своихъ религіозныхъ противниковъ малѣйшей возможности сопротивленія, уничтожить въ нихъ какую бы то ни было инициативу индивидуальной и коллективной самозащиты.

Какъ же обороняются отъ этого натиска милліоны православно вѣрующихъ людей?

Каковы и тѣ средства обороны, которыя русскій народъ находилъ до сихъ поръ и можетъ найти при дальнѣйшей борьбѣ въ огромномъ арсеналѣ своего тысячелѣтняго Православія?

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что золотой покровъ офіціальнаго «святорусскаго» благочестія перваго натиска революціи не выдержалъ. Революція обнажила въ русскомъ народѣ и непрочность вѣры и шаткость нравственныхъ основъ. Въ крови, въ насиліяхъ, въ изощренно жестокихъ глумленіяхъ явился страшный ликъ звѣря. Нужно помнить, что не партія большевиковъ, а именно народъ, масса бушевала и свирѣпствовала послѣ паденія монархіи, начиная съ военнаго фронта, и съ большихъ городовъ, гдѣ происходило гнусное по своей жестокости избіеніе офицеровъ и кончая каждымъ закоулкомъ Россіи, — всюду остервенѣлая жажда крови въ ту пору искала насыщенія, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ.

Обычное объясненіе этого жестокаго буйства *темнотой неграмотнаго* народа, мнѣ думается, не совсѣмъ удовлетворительно, если мы будемъ судить не африканскихъ дикарей-людоедцевъ, а православныхъ христіанъ. Но, если даже половину всѣхъ преступленій совершенныхъ именно самимъ народомъ, отнести къ тому, что «вся страна находилась въ состояніи аффекта», то все же какая то доля пролитой крови дастъ намъ право поставить вопросъ: какъ совмѣстить съ христіанской настроенностью «народа-богоносца» не только содѣянное имъ въ началѣ революціи, въ вихрѣ ея перваго урагана, но и утвержденное потомъ зло? Ибо большевизмъ отнюдь не есть зло постороннее и чуждое русскому народу, а въ какой-то мѣрѣ органически имъ воспринятое. Пусть прививка этого зла была сдѣлана чужими руками, но организмъ сопротивленія не оказалъ, кровь русская этотъ большевизмъ въ себя настолько впитала, что революція изъ крат-

ковременнаго пароксизма превратилась въ длительный затяжной процессъ.

Чтобы понять эту совмѣстимость зла съ тысячелѣтнимъ исповѣданіемъ православной вѣры, придется ставить вопросъ, конечно не о Православіи, какъ истинномъ ученіи древней апостольской Церкви, а объ исторической установкѣ Православія у насъ въ Россіи, объ отношеніи Русской Церкви къ народу и о томъ, подъ какимъ угломъ зрѣнія народъ, воспринималъ идею православнаго христіанства, какъ преломлялась она въ его сознаниі, какъ вліяла на его внутренній духовно-нравственный міръ и какъ заставляла она русскаго человѣка оцѣнивать міръ внѣшній и опредѣлять свою въ немъ роль.

* * *

Не приходится оспаривать наличія въ русскомъ народѣ огромныхъ духовныхъ силъ, которыхъ никогда не поглащаетъ безъ остатка «мірская забота». Трудъ физическій или умственный; индивидуально обособленный или артельный, общественный одинаково не можетъ втянуть и вобрать въ себя цѣликомъ всего русскаго человѣка. Кто бы онъ ни былъ, мужикъ или интеллигентъ, онъ всегда носитъ въ себѣ потребность отвлеченнаго мышленія, и сообразно уровню своего духовнаго и умственнаго развитія, сообразно своей одаренности природной, стремится, помимо своего матеріальнаго мѣста въ матеріальномъ мірѣ, отыскать еще точку опоры и для своей внутренней личности. Ему необходимо имѣть «убѣжище для души», въ которомъ онъ производитъ оцѣнку всѣхъ цѣнностей со стороны ихъ отвлеченно-абсолютнаго значенія. Въ силу этого всякій русскій человѣкъ, если только онъ не утратилъ своего русскаго лица, т. е. духовно не оскудѣлъ, не обезображенъ чрезмѣрно буржуазной дѣловитостью или мелкой мѣщанской озабоченностью, непремѣнно носитъ въ себѣ религіозную силу, стихію духовную, которая, въ зависимости отъ условій и отъ отъ момента, можетъ и не проявить себя, какъ вѣра въ Бога въ прямомъ смыслѣ этого слова, но можетъ выразиться въ «служеніи идеѣ». Если же эта духовная стихія не найдетъ себѣ примѣненія ни въ области религіозной, ни въ области идейной, то она проявится въ тоскѣ, въ такъ называемой «внутренней неудовлетворенности», столь характерной для разныхъ эпохъ русскаго «безвременья».

Отсюда и это вѣчное безпокойство русской души, мятущейся, ищущей. Мнѣ кажется нѣтъ надобности доказывать, что постоянной закваской этого внутренняго русскаго броженія были неутолимое *исканіе правды*, правды то какъ вѣч-

ной истины, то какъ высшей справедливости или, наконецъ, какъ синтеза той и другой.

Насколько мы можемъ судить теперь, вѣрнѣе предполагать, *исканіе праеды* свойственно было русскому народу и въ первые вѣка его исторіи. Въ тѣ времена, особенно до татарщины, оно шло по пути углубленія въ православную вѣру. Катастрофа татарщины, буквально попавшей русское книжное просвѣщеніе, — сорвала первые цвѣты православной культуры. Татарщина, кромѣ того, что то еще сломала или исказила въ народной душѣ. Глубоко врѣзалось въ эту душу монгольское «тавро» — если не на вѣки, то на долгіе вѣка во всякомъ случаѣ...

Догматически Православіе, конечно, сохранилось въ полной неприкосновенности и во время татарскаго ига и послѣ него. Оно явило великихъ святыхъ, но общій стиль и духъ благочестія настолько измѣнились и у народа въ массѣ и у его правителей, что сопоставляя, на примѣръ, христіанскія воззрѣнія Владиміра Мономаха съ православнымъ образомъ мыслей любого изъ царей и князей московскаго государства иногда можно задать недоумѣнный вопросъ:

— Да одной ли они были вѣры?

Въ суровыхъ условіяхъ нашего историческаго развитія, впрочемъ, иного и не могло быть. — Народъ огрубѣлъ и одичалъ. Тяжелыми усиліями строилось огромное государство. Рубили колоссальныя бревна, складывали «срубъ».хлопотали прежде всего о прочности зданія, а объ отдѣлкѣ его не было ни времени, ни возможности подумать. Въ этомъ «срубѣ», въ этой избѣ московскаго царства, въ красномъ углу было воздвигнуто Православіе, врученное по необходимости «береженію» въ большинствѣ своемъ совершенно невѣжественнаго, а порою просто безграмотнаго духовенства. И чтобы оно не *повредилось*, московская Русь крѣпко его оковала *чиномъ* и *уставомъ*, не посягая на большее. Обрядъ и догматъ въ религіозномъ сознаніи народа уравнились въ значеніи. Форма подавила собою содержаніе.

Петербургская Имперія почти не измѣнила въ этомъ отношеніи принципамъ московской Руси съ тѣмъ лишь различіемъ, что «европейское просвѣщеніе» воздвигло надстройку надъ старымъ русскимъ «срубомъ» нѣкій бэль-этажъ, отдѣланный въ новомъ стилѣ, плохо вязавшійся съ духомъ московской брусняной избы.

Въ «бэль-этажѣ» старыя цѣнности частью совершенно утратили свое прежнее абсолютное значеніе, частью приобрѣли значеніе относительное.

Православіе перестало быть основной цѣлью бытія націи.

Оно съ одной стороны сохранялось какъ необходимый декоративный элементъ великой Имперіи, какъ традиціонная *regalia власти*, власть эту освящающая, а съ другой какъ важнѣйшая нравственная дисциплина для народныхъ массъ. Изъ «бѣль-этажа» оцѣнивали въ Православіи главнымъ образомъ силу узды, силу рычага. Но утративъ цѣльность и искренность старой московской позиціи въ дѣлѣ *береженія правой вѣры*, петербургская Имперія не только отъ «береженія» не отступила, а усилила его, окончательно подчинивъ себѣ Церковь и превративъ ее изъ центрального стержня общенародной жизни въ бюрократически реорганизованное *вѣдомство*.

Вѣдомство это жило и дѣйствовало въ тягчайшихъ условіяхъ. Государственная власть, лишивъ духовенство всякой свободы церковнаго дѣланія, лишало его и всякой творческой инціативы, какъ соборной такъ и индивидуальной ограничивъ его роль въ Россіи функціями *казенныхъ работоправителей*.

Если окованное Православіе Московской Руси не имѣло возможности расширить и углубить духовное развитіе народа, раскрытіемъ всей полноты подлинно-христіанскихъ идеаловъ, то официальное благочестіе Императорской Россіи объ этомъ уже совершенно не заботилось. Связавъ и поработивъ Церковь, императорское правительство запретило даже приходскія организациі и совершенно свело на нѣтъ церковную жизнь.

Истинная вѣра и исканіе христіанскихъ идеаловъ въ силу этого порядка по-неволѣ превратились въ «частное дѣло каждаго», а официальное государственное благочестіе могло развиваться лишь въ сторону внѣшняго благолѣпія. У благолѣпія были свои приверженцы, цѣлый классъ любителей церковныхъ парадовъ и церковной пышности. И наше духовенство, въ силу цѣлаго ряда причинъ, было вынуждено считаться именно съ этой категоріей «православія», въ извѣстномъ отношеніи держать равненіе по линіи грубо-невѣжественныхъ «зиждителей лѣпоты», безвкусныхъ въ обрядовой сторонѣ церковнаго устройства, тупыхъ въ пониманіи самого существа православной вѣры. «Зиждители» и «жертвователи» давали тонъ церковной жизни въ Императорской Россіи, ставили вѣхи благочестію, ими по своему воспринятому и выражаемому

Къ этой категоріи «ревнителей Православія» въ императорской Россіи примыкали и люди разныхъ официальныхъ ранговъ, которые нерѣдко считали своимъ долгомъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и отношенія. И тѣ и другіе заслоняли собою совершенно народную толщу отъ представителей высшей русской церковной іерархіи. Нашимъ епископамъ

въ ихъ общественномъ служеніи отводилась лишь торжественно - декоративная роль. Паству свою они видѣли очень мало и то издали и не могли оказывать на нее никакого непосредственнаго вліянія.

Въ силу тѣхъ же причинъ казенной постановки Православія, образованные классы общества свою вѣру проглядѣли. Въ высшихъ кругахъ такъ называемой русской аристократіи, особенно при Александрѣ I, многимъ Православіе казалось «мужицкой вѣрой» и у однихъ появлялся вкусъ къ католичеству, вызванный тяготѣніемъ къ «европейской культурѣ»; другіе, какъ и самъ Императоръ, впадали въ чувствительно-расплывчатый мистицизмъ, порождавшій тяготѣніе къ сектанству и полное равнодушіе къ своей Церкви. Вообще же образованное наше общество *не знало* Православія, помимо его внѣшней стороны. До самаго послѣдняго времени передъ революціей оно не знало и о существованіи у насъ научно-богословскаго творчества, почти никогда не соприкасалось съ людьми исключительной одаренности и огромныхъ знаній, которые жили и работали въ Россіи, нося рясу. Въ результатъ русская интеллигенція съ невѣжественно-самоувѣреннымъ пренебреженіемъ отворачивалась отъ Церкви, не умѣя въ ней замѣтить ничего кромѣ «устарѣлыхъ и ненужныхъ обрядовъ», кромѣ ея вынужденнаго официальнаго положенія и была вполне убѣждена, что «православіе и самодержавіе» по самому существу своему суть синонимы; она даже не давала себѣ труда въ нихъ разбираться и ихъ различать.

И неудивительно, что процессъ борьбы съ политическимъ и социальнымъ строемъ Императорской Россіи, руководимый и вдохновляемый нашей интеллигенціей, былъ съ самаго начала направленъ и противъ Церкви. Противоестественное сліяніе «Божія» и «Кесарева» ставило Церковь и государство въ положеніе сіамскихъ близнецовъ, и когда ударъ революціи разсѣкъ одного изъ нихъ, другой началъ истекать кровью и, быть можетъ, захирѣлъ бы отъ этого кровотеченія, если бы внутреннія, глубоко затаенныя силы Православія не воскресили бы его къ самостоятельному и творческому бытію.

Однако идея самостоятельнаго, свободно-независимаго отъ государства и его временныхъ интересовъ бытія Церкви какъ мы видимъ теперь оказалась одинаково трудно пріемлемой и для борющихся ее враговъ и для многаго множества ея «вѣрныхъ чадъ», особенно изъ числа зарубежныхъ русскихъ. Историческія традиціи въ данномъ случаѣ оказались сильнѣе пониманія и почитанія самой Истины церковной: соблазненная большевизмомъ часть русскаго народа убоялась, что Церковь сыграетъ роль поворотнаго социальнo-политическаго ры-

чага; «вѣрные» же «чада» требуютъ и до сихъ поръ, чтобы она именно такимъ рычагомъ стала, цѣликомъ пожертвовавъ дѣломъ Христовымъ для дѣла государственнаго

* * *

Если бы русскій народъ не имѣлъ исключительно ему прирожденнаго религіознаго склада души, вѣковой государственной плѣнъ Церкви привелъ бы постепенно всѣ классы нашего общества къ буржуазно-мѣщанскому религіозному индифферентизму Западной Европы, а самая революція развивалась бы въ иной плоскости и не носила бы въ себѣ того трагическаго пафоса борьбы за вѣру и противъ вѣры, которымъ она насыщается чѣмъ дальше тѣмъ больше.

Индифферентнымъ къ религіи русскій народъ не сдѣлался; это очевидно, но также очевидно и то, что великая нація въ моментъ революціи далеко не явила себя цѣликомъ православной. Въ Россіи, среди низшихъ классовъ общества, наряду съ частично развившимся безбожіемъ, гораздо болѣе значительно чѣмъ безбожіе, развилось и сектантство. Сектантство появилось у насъ впервые въ очень далекія времена, и интересно замѣтить, что оно всегда носило характеръ быстро-растущей эпидеміи, которая, послѣ извѣстнаго срока, почти такъ же быстро, начинала убывать, оставляя, конечно, то тутъ, то тамъ очаги заразы. Въ соблазнѣ сектантствомъ русскаго народа певенствующую роль играли два фактора: невѣжество, искажавшее пониманіе Православія, не достигавшее часто не только его богословскихъ глубинъ, но даже основъ православнаго вѣроученія и настороженная воспримчивость русскаго религіознаго чувства и сознанія, о которой уже упоминалось выше. Интересно вспомнить здѣсь мимоходомъ о сектѣ или «ереси жидовствующихъ», которая въ XV столѣтіи появилась сначала въ Новгородѣ и Псковѣ, затѣмъ въ Москвѣ и стала распространяться и въ другихъ городахъ Россіи.

Ересь эта захватила и высшіе слои тогдашняго общества и духовенство, настолько, что Московскій Митрополитъ Зосима, возглавитель всей русской Церкви, къ ученію «жидовствующихъ» тайно примкнулъ или во всякомъ случаѣ очень ему сочувствовалъ. Она проникла и ко двору Московскаго великаго князя, причемъ самъ Іоаннъ III, горячо интересуясь недозволенной тогда астрологіей, насколько можно судить, одинъ моментъ былъ близокъ къ соблазну подъ вліяніемъ одного изъ своихъ «ближнихъ людей», Феодора Курицына, а невѣстка великаго князя и совсѣмъ соблазнилась въ ересь. Невольно спрашиваешь: какимъ образомъ тогдашніе русскіе люди, упорно нетерпимые ко всякому иновѣрцу, а тѣмъ болѣе

къ іудеямъ, въ которыхъ они во всѣ времена склонны были видѣть активныхъ распинателей Христа, могли вдругъ, именно *вдругъ*, почувствовать влеченіе къ сектѣ враждебной христіанству и явно проникнутой духомъ еврейскаго вѣроученія?

Проф. Голубинскій указываетъ въ числѣ главныхъ причинъ распространенія «ереси жидовствующихъ» на одно обстоятельство: среди тогдашнихъ православно-вѣрующихъ почему, то укоренилось убѣжденіе, что конецъ міра и страшный судъ должны наступить въ опредѣленно указанный (?) срокъ послѣ сотворенія міра. Распространители «ереси» въ первую очередь смутили именно духовныхъ лицъ ссылкой на то, что срокъ миновалъ, а конца міра не послѣдовало. И вотъ отъ того, что поколебалось совершенно пртиворѣчащее христіанскому ученію и всему смыслу Евангелія *суевѣріе*, русскіе люди отшатнулись отъ своей вѣры и ринулись въ секту, имъ чуждую, разрушающую не только ихъ вѣковыя вѣрованія, но и вѣковые устои быта...

И не того ли же порядка явленіе мы наблюдали и наблюдаемъ и пять вѣковъ спустя въ нашемъ народѣ, среди котораго *вдругъ* появились яростные безбожники, послѣ того какъ «образованные коммунисты имъ объявили, что громъ и молнія вызываются не движеніемъ по небу колесницы пророка Іліи, а дѣйствіемъ электричества?

Въ прошломъ столѣтіи сектанство приняло въ Россіи довольно широкіе размѣры. Оно разбивалось на множество толковъ, начиная отъ различныхъ выявленій хмѣльной дерзостно-соблазнительной мистики хлыстовства со всѣми его развѣтвленіями, до всевозможныхъ формъ раціоналистическаго христіанства и полухристіанства и кончая нелѣпѣйшими религіозными группировками, лишенными даже сколько-нибудь опредѣленно формулированнаго вѣроученія.

Въ русскомъ сектанствѣ можно уловить два главныхъ теченія: мистическое исканіе близости Божества и стремленіе осуществить въ земной жизни правду заповѣдей Божіихъ.

Хлыстовское погруженіе въ истерическій экстазъ радѣній — круженія, танцы, изступленные выкрики «пророчествующихъ», обожаніе «христовъ» и «богородицъ» — ничто иное, какъ буйная жажда извращенно и примитивно понимаемаго богообщенія, порывъ къ матеріализаціи невидимой благодати къ ея чувственному проявленію и ощущенію. Здѣсь нѣкая попытка прорваться изъ обыденной жизни въ горній міръ, вѣрнѣе дерзкимъ усиліемъ низвести его на землю, влить *божеское* въ тлѣнную человѣческую плоть и остро ощутить его сладость. Хлыстовскія радѣнія — это своеобразный грубо понятый и грубо осуществляемый «пиръ вѣры», отчаянный ду-

ховный разгуль, зачастую переходящій въ разгуль плоти. Въ хлыстовствѣ ясно проступаютъ элементы бунта, революціоннаго максимализма или большевизма въ области вѣры, не преемлющаго покаянно-молитвеннаго, смиренно-подвижническаго пути къ Богу.

Совсѣмъ иныя побужденія влекли народъ въ «штунду», въ баптизмъ, въ молоканство и родственныя имъ секты. Часто въ темной душѣ русскаго человѣка нарастала неудовлетворенность отъ сознанія несоотвѣтствія въ окружающей его жизни между *вѣрой* и *дѣлами*. Онъ склоненъ былъ приписывать удаленность дѣйствительности отъ христіанскаго идеала «неправильности» Православія и шель «искать правды» у сектантовъ. Это «исканіе правды» въ нѣкоторыхъ сектахъ не ограничивалось стремленіемъ къ индивидуальному нравственному совершенствованію, но охватывало иногда и соціально-экономическія проблемы, пытаясь разрѣшить ихъ согласно съ христіанскимъ ученіемъ въ предѣлахъ обособленной группы вѣрующихъ. Такъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникла секта «общаго упованія»,*) представляющая собою строго организованную коммуну. Интересно замѣтить, что одинъ изъ организаторовъ этой секты, крестьянинъ Поповъ проявившій исключительную энергію въ дѣлѣ ея созданія, вдохновился нѣсколькими словами изъ книги Дѣяній Апостольскихъ о жизни первыхъ христіанъ. Онъ прочелъ о томъ, что «всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждамъ cadaго... У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа: и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее». (Дѣян. 2. — 44 -45; 4, 32). Словъ этихъ было достаточно чтобы воспламенить сердце не одного только Попова, но и его сотрудниковъ и послѣдователей: съ радостью мужики отдають свое достояніе въ распоряженіе общины, продають и покидають свои насиженныя гнѣзда... Какъ ни силенъ вѣками укоренившійся въ нихъ инстинктъ собственности, развѣ онъ что-нибудь значить передъ возможностью и необходимостью исполненія заповѣдей Христовыхъ?

Вѣра, если она только горяча и активна, — безъ сомнѣнія, самый мощный двигатель не только индивидуальный и соціальный. Она можетъ быть темна, полна самыхъ нелѣпыхъ заблужденій, наконецъ, она можетъ уклониться отъ почитанія Божества въ сторону слѣпота почитанія определен-

*) Проф. Прот. Т. И. Буткевичъ «Обзоръ русскихъ сектъ». Харьковъ. 1910.

ной идеи, но для русскаго чловѣка даже и въ этомъ случаѣ она не утрачиваетъ своей всеподчиняющей силы.

Покойный кн. Г. Н. Трубецкой передавалъ интереснѣйшій эпизодъ, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Въ бытность его посланникомъ на Балканахъ, къ нему обратились нѣсколько русскихъ крестьянъ съ просьбой указать дорогу... въ *праведное царство*. Крестьяне эти все продали у себя въ Россіи и по чьему-то наущенію поѣхали въ «иныя православныя земли» съ твердымъ намѣреніемъ разыскать это *праведное царство* и въ немъ навсегда уже поселиться.

А въ 1836 году послѣдователи одного изъ толковъ молоканской секты, увѣренные своимъ руководителемъ въ скоромъ наступленіи второго пришествія Спасителя и Его тысячелѣтняго царства на землѣ, побросали свои дома, продали все движимое имущество и, отдавъ всѣ вырученныя деньги наставнику секты (кстати, убѣдившему ихъ, что именно онъ, Лукьянъ Соколовъ, и есть «христосъ-спаситель», вѣрнѣе таковымъ явится въ «новомъ Іерусалимѣ»), отправились цѣлымъ громаднымъ лагеремъ изъ Самарской губерніи на Кавказъ...

Указанные мною случаи не единственные. Въ сущности *весь народъ русскій такъ или иначе пребывалъ въ постоянномъ странствованіи*, которое если и не всегда выражалось въ физическомъ передвиженіи, какъ у сектантовъ или паломниковъ, то проявлялось въ духовныхъ и умственныхъ исканіяхъ и блужданіяхъ.

Благодаря той пропасти, которая отдѣляла въ Россіи образованные слои общества отъ народныхъ массъ, интеллигенція и народъ *странствовали* въ поискахъ «правой вѣры» и «правды», каждый по своему. Интеллигенція совершала паломничества по «обителямъ» западно-европейской мысли, народъ же то припадалъ къ монастырскимъ святынямъ, то къ старцамъ, то къ «братчикамъ», то уходилъ въ секты.

И нигдѣ какъ въ Россіи жажда правды и вѣра въ свою правду не разсѣкали съ такой силой сословныхъ перегородокъ и «классоваго самосознанія»: отъ Новикова и Радищева черезъ декабристовъ до Крапоткина, Лизогуба, Перовской и другихъ — цѣлой плеяды типично русскихъ *сословныхъ эмигрантовъ*, надъ которыми Вандомской колонной возвышается Левъ Толстой.

Нѣкоторыя изъ русскихъ сектъ стремились, какъ мы уже указывали, къ разрѣшенію проблемъ соціальной справедливости, тѣхъ проблемъ, которымъ цѣликомъ отдавали себя наши подпольныя революціонныя партіи. Правда, и тутъ и тамъ проблемы эти ставились въ разныхъ плоскостяхъ и подходъ къ нимъ былъ совершенно, конечно, различный, но тѣмъ

не менѣе приходится констатировать, что невѣрующіе въ Бога русскіе народовольцы и социалисты вносили въ свое «служеніе идеѣ» не меньше религіознаго паѳоса и самоотверженія нежели фанатически вѣрующіе сектанты. Вообще между русскими сектантами и подпольными русскими революціонерами было чрезвычайно много общаго *въ духѣ*; много сходства въ положительныхъ и отрицательныхъ чертахъ и тѣхъ и другихъ.

Что же касается тяготѣнія лучшихъ представителей русскаго революціоннаго движенія къ жертвенности, къ мученичеству, и ихъ зачастую строго аскетической настроенности, то конечно, эти ихъ качества не съ европейскаго Запада были къ нимъ принесены, а внушались голосомъ русской крови, вѣковой и непобѣдимой силой русской религіозной стихіи.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣковая приверженность къ вѣрѣ отцовъ, по чувству ли глубокаго благочестія или по инстинкту привычки и по уваженію къ традиціи, удерживала русскаго человѣка отъ соблазнительныхъ уклоновъ, какъ относился онъ къ православному ученію, какъ относился къ официальной Церкви и какое міровозрѣніе примиряло наиболѣе активно вѣрующіе элементы народа съ глубочайшимъ несоотвѣтствіемъ вѣры Христовой и дѣлъ человѣческихъ въ жизни «благочестиваго», сверху до низу «освященнаго» русскаго государства?

Какъ ни безграмотенъ и теменъ былъ народъ, все же онъ кое-что понялъ и усвоилъ еще съ той поры, когда ему, во-первыхъ, былъ болѣе понятенъ церковно-славянскій языкъ, во-вторыхъ, когда житійная литература, если не письменнымъ, то устнымъ путемъ достигала до него. Въ апокрифахъ и сказаніяхъ отразились религіозныя представленія народныхъ массъ: рѣзкій контрастъ добра и зла и соотвѣтственнаго за нихъ воздаянія въ загробномъ мірѣ. Райское блаженство угодииковъ сіяло неприступнымъ свѣтомъ; грѣхъ казнилъ съ неумолимой строгостью, даже жестокостью. Правосудіе небесное въ народномъ сознаніи до нѣкоторой степени неизбѣжно отражало суровость правосудія земного. Въ извѣстномъ сказаніи о «Хожденіи Богородицы по мукамъ» зрѣлище наказанія грѣшниковъ настолько нестерпимо для Пречистой, что она со слезами говоритъ сопровождающему Ее Архангелу Михаилу: «да вниду и азъ да ся мучу со крестьяны.» И лишь по усиленной молитвѣ Богоматери, ангеловъ, апостоловъ и всѣхъ праведныхъ, смягчается нѣсколько Сынъ Бо-

жій и устанавливаетъ для грѣшниковъ перерывъ въ ихъ мученіяхъ — «день и ночь отъ великаго четверга до святого пянтикостія».

Богъ есть Любовь — эта мысль не приѣмлется до конца народнымъ сознаниемъ. Богъ справедливъ, но строгъ и не можетъ забыть, какъ Его мучили на землѣ, какъ не исполняли Его заповѣдей. Кромѣ того, Онъ по высотѣ своей далекъ отъ грѣшнаго рода человѣческаго, отъ пониманія его слабостей. Богоматерь и святые ближе стоятъ къ людямъ, молитва къ нимъ «доходнѣе» и они вѣчно ходатайствуютъ передъ Богомъ за людей и, кромѣ того, сами часто по землѣ странствуютъ, облегчая тяготы человѣческія и потомъ рассказывая Богу о земныхъ страданіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ народѣ существовала увѣренность о хожденіи по землѣ Николы-угодника, а паломники въ Троице-Сергіеву Лавру убѣжденно рассказывали, что у «батюшки Сергія преподобнаго есть лапотки лыковые, въ которыхъ онъ по всей землѣ русской странничаетъ и отъ многаго его хожденія тѣ лапотки изнашиваются и на всякій годъ ставятъ ему у его мощей новые лапотки».

Усиленное почитаніе угодниковъ у русскаго народа вызывалось еще и тѣмъ, что образъ святого, много на землѣ потрудившагося и почти всегда много пострадавшаго и вольно и неволью, облегчалъ и человѣку несеніе его земной тяготы. Въ этомъ отношеніи и образъ Христа распятаго и страдающаго былъ особенно близокъ, *жалостно дорогъ*. Сложилась и поговорка: «Христось муки терпѣлъ и намъ терпѣть велѣлъ».

Идеаль праведнаго житія, осуществленный подвижниками, имѣлъ на русскій народъ своеобразное вліяніе. Это былъ *идеаль аскетически-монастырскій, достигаемый хоть сколько нибудь лишь внѣ міра*. Особенно строгіе къ себѣ святые не только отъ житейской суеты отстранялись, но даже не хотѣли жить и въ обителяхъ, людныхъ и богатыхъ, а всегда стремились въ *пустынь* — въ глухіе лѣса, на берега отдаленныхъ рѣкъ и озеръ. Подвижничество удалившагося отшельника и достигнутая или въ затворѣ праведность для народа имѣли значеніе яркаго прожектора, освѣщающаго всѣ провалы и рытвины печально-непроходимой пустыни, которая называется *мірской жизнью*. Слагалась увѣренность, что эту жизнь ни улучшить, ни измѣнить нельзя. Надо ее терпѣть, если нѣтъ возможности съ ней развязаться для душевнаго спасенія. А чтобы легче было терпѣть и чтобы грѣхи мірскіе замаливать, слѣдуетъ хотя бы отъ времени до времени соприкасаться со святыней монастырской: ходить на поклоненіе почившимъ угодникамъ и по возможности искать наставленія отъ праведныхъ людей.

Историческая роль монастырей въ русской культурѣ вообще, и въ русскомъ духовномъ просвѣщеніи въ частности въ значительной степени и надолго укрѣпила двойственное отношеніе народа къ Церкви — къ черному и къ бѣлому духовенству.

Насколько обитель, особенно если въ ней были строгіе постники и аскеты, привлекала къ себѣ благочестиваго русскаго человѣка, настолько къ бѣлому духовенству, къ такъ называемымъ «попамъ», онъ оставался равнодушень.

Положеніе, въ которое священники были у насъ поставлены государствомъ въ ихъ приходскомъ служеніи, много способствовало этому равнодушію, переходившему зачастую даже въ пренебреженіе. Кромѣ исключительныхъ случаевъ, общенія съ духовенствомъ, помимо требъ почти во всѣхъ классахъ общества у насъ никакого не было. Простому же человѣку и въ голову не приходило обратиться къ своему батюшкѣ для совѣта, для духовнаго руководства. Чтобы эта стѣна, отдѣлявшая всякаго священника отъ его прихожанъ, могла быть сломана, представителю бѣлаго духовенства требовалась репутація почти что святого — цѣлителя или прозорливца. И духовенство наше жило замкнуто, будучи изолировано отъ своихъ пасомыхъ всѣмъ укладомъ русской жизни. У насъ даже считалось *дурной примѣтой* «попа на дорогѣ встрѣтить». Въ экстренныхъ случаяхъ «посылали за попомъ» (классическое русское выраженіе для совершенія необходимой требы). Священникъ не былъ членомъ общества ни въ простонародной, ни въ интеллигентной средѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше духовенство наше отстранялось отъ всякаго участія въ общекультурной жизни страны.

Что же касается мужика, то онъ ходилъ къ священнику только «за дѣломъ», какъ въ лавочку за дегтемъ и, зачастую, какъ въ лавочкѣ съ нимъ торговался о свадьбахъ и похоронахъ, строго вычисляя всякую подробность ритуала и туго набавляя тяжелую мужицкую «деньгу».

«Попъ» и приходская церковь были одинаково принадлежностью и парадной вѣры и параднаго быта. И чѣмъ больше усложнялась жизнь подъ вліяніемъ проникавшихъ въ нее новыхъ вѣяній и экономическихъ интересовъ, чѣмъ дальше отодвигался аскетическій идеаль монастыря, да и самъ монастырь утрачивалъ свою прежнюю возвышенную настроенность, — тѣмъ больше «попъ» и церковь изъ области горячей вѣры отодвигались въ область быта, привычной необходимости. Въ праздникъ обѣдню нужно было «отстоять» и потомъ «попа съ крестомъ принять». Это также требовалось для большого праздничнаго торжества какъ купить водки, зарѣзать

барана или свинью. «Отстаивая» службу, народъ крестныя знаменія и поклоны исполнялъ усердно, но *молился* онъ по настоящему, со слезнымъ умиленіемъ, пожалуй, больше всего на специальныхъ только богомольяхъ, куда ходилъ или по обѣту или по зову души. Церковная служба въ приходскихъ храмахъ давала мало духовнаго назиданія русскому простому человѣку. Добросовѣстно присутствуя при непонятномъ въ большинствѣ случаевъ безобразно скороговорочномъ и механическомъ чтеніи въ церквахъ, онъ ничего почти не почерпалъ изъ богослуженія и, если и испытывалъ благоговѣйное чувство въ моменты особенно торжественные, то только потому, что его сознаніе продолжало еще питаться старымъ, историческимъ запасомъ народнаго благочестія и народныхъ знаній въ области вѣры, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе совершенно независимо отъ приходскаго духовенства.

Медленно угасая, вѣрнѣе говоря заслоняясь иными помыслами и впечатлѣніями бытія, аскетическій монашескій идеаль праведности въ сущности оставался послѣдней и единственной базой христіанскихъ воззрѣній народныхъ массъ, ихъ единственнымъ нравственнымъ критеріемъ.

Въ теченіе ряда вѣковъ міръ въ цѣломъ кажется простому русскому человѣку такъ грѣховенъ и плохъ, что и на мысль не приходитъ его перестраивать. Личная участь cadaго, личная судьба то же лишь несеніе «бремени тяжкаго и грѣховнаго». Но облегчить его ничѣмъ, только надо стараться душу спасти положенной молитвой и полученнымъ постнымъ уставомъ, надо припадать въ земныхъ поклонахъ къ «материсырой землѣ», отъ которой «взять» человѣкъ и въ которую «отыдетъ». Смерть настолько не пугала (страшно было лишь «умереть безъ покаянія»), что о ней говорили спокойно-просто, даже съ самими умирающими, и каждый съ извѣстнаго возраста готовилъ себѣ къ смертному часу необходимое одѣяніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенно благочестивые старики изъ крестьянъ, дѣйствительно походившіе на склонѣ своихъ лѣтъ на святыхъ отшельниковъ, заготовляли даже и гробъ, который иногда годами стоялъ въ какомъ-нибудь чуланѣ.

Россія во всѣ времена являла собою даже внѣшне образъ презираемаго міра: нигдѣ не былъ такъ разителенъ контрастъ деревенскихъ избъ даже городскихъ домиковъ и домишекъ съ высокими, чаще всего бѣлыми, каменными храмами. Въ храмѣ «блистаніе» — позолота, роспись, дорогая утварь; здѣсь православные служатъ Богу, а въ избахъ и домищкахъ люди живутъ; тутъ «тлѣнъ земной», тѣснота и небреженіе. Правда въ избѣ и въ домишкѣ всегда есть «красный уголь», но за то три

остальныхъ угла безнадежно черны. Внѣшнее это обличье Россіи было символомъ внутренняго строя народной жизни: свѣтилась лампадой часть души, обращенная къ Богу, часть праздничная, а человекъ къ человеку подходилъ въ будничной темнотѣ, часто въ грѣхѣ. Была жалость къ человеку особенно состраданіе къ несчастному, даже къ преступному, но уваженія не было. «Образа и подобія Божія» русскій человекъ всегда искалъ только на иконѣ, а въ людской душѣ онъ замѣчалъ «образъ и подобіе» лишь въ томъ случаѣ, если видѣлъ передъ собою святого и праведнаго, аскетизмомъ своимъ уподобляющагося угоднику на иконѣ.

Мірская беспомощность и безнадежность создавала къ грѣху двойственное отношеніе. Съ одной стороны грѣхъ страшенъ, ибо онъ ведетъ къ вѣчной гибели и адскимъ мукамъ, и съ другой стороны онъ неизбеженъ и даже привыченъ какъ «тяжкій духъ» въ мужицкой избѣ, какъ затертая рубаха «близкая къ тѣлу», которую «не хочется скидывать». Отъ тяжелой жизни человекъ устаеетъ и подпадаетъ слабостямъ. Первая и главная слабость — это пьянство. Обычный тонъ русской простонародной жизни всегда былъ суровъ и хмуръ. Веселость не въ нашей природѣ; смѣхъ благочестивыми людьми осуждался: смѣяться — значитъ «бѣса тѣшить». Хмурость эта породила часто тоску и тогда человекъ не выдерживалъ и «загуливалъ». Но, кромѣ того, и праздникъ, освобождавшій и отъ тяжкаго труда и отъ связанной съ нимъ угрюмости, понимался какъ разрѣшеніе «слабости» и превращался уже въ общій «разгулъ», не знавшій часто границъ. Любовь къ крайностямъ — наше національное свойство, и нигдѣ не были такъ рѣзки переходы отъ безшабашнаго разгула къ строгому посту и обратно, какъ въ Россіи, не только у мужиковъ, но и въ другихъ классахъ общества, придерживавшихся правилъ исконнаго нашего быта.

Пьянство, конечно, выбивало изъ колеи и сугубо толкало не только къ грѣху, но и къ преступленію. Тогда говорили: «потерялъ себя человекъ», но не отворачивались отъ него съ презрѣніемъ и съ безнадежностью. Иногда путь грѣха могъ быть внезапно пересѣченъ путемъ покаянія и спасенія. Знаменательная русская пословица — «не согрѣшишь — не покаешься», выражала собою не одно только снисхожденіе къ грѣху, но и нѣчто иное. Если грѣхъ толкнетъ въ черноту провала человеческую душу, то вотъ именно тамъ, на днѣ этого провала и пронзится она сокрушеніемъ и плачемъ покаяннымъ. Русскій человекъ имѣетъ свойство иногда въ паденіи своемъ ушибаться о собственное свое окаянство и отъ этого ушиба внезапно вставать. Въ глубинѣ пропасти свѣтъ возсіяетъ можетъ

порою гораздо болѣе ослѣпительный, нежели въ пасмурныхъ будняхъ обыкновенной жизни. Не даромъ такъ возлюбилъ и воспѣлъ народъ размахъ крайностей:

Было двѣнадцать разбойниковъ,
Былъ Кудеяръ-атаманъ
Много разбойнички пролили
Крови честныхъ христіанъ...

Сначала кровь — «кровушка, — «безъ мѣры проливаемая, а потомъ раскаяніе и подвигъ, самый суровый, самый тяжкій, и вотъ уже «разбойнички» (ласкательное!) стали подвижниками.

Александръ Блокъ въ знаменитой поэмѣ «Двѣнадцать» ничего *своего* не выдумалъ; напрасно на него нападали: онъ только подчеркнул *русскую тему* въ первой ея части, какъ она была ему дана самой жизнью, а вторую часть лишь намѣтилъ мелькнувшимъ въ его творческомъ сознаніи образомъ конечнаго исхода русской революціи...

А Леоновъ въ своемъ изумительномъ «Сказаніи о бѣгствѣ Азлаивонъ и о Нифонтовой пустыни» развернулъ эту тему съ такой силой и глубиной, что это произведеніе*) по своей художественно-пророческой яркости и психологическому реализму, пожалуй, не знаетъ себѣ равныхъ.

* * *

Жизнь православной простонародной Россіи очень долго представляла собою подобіе своеобразнаго мірскаго монастыря, съ неизбѣжнымъ, порою очень тяжкимъ, мірскимъ грѣхомъ, но съ чисто монашеской идеей *послушанія*. Послушаніе не только Богу, старшимъ въ семьѣ, послушаніе начальству всяческому, но и послушаніе своей судьбѣ, покорное пріятіе своей участи.

Официальная Церковь не имѣла возможности вызвать въ русскомъ народѣ его творческія христіанскія силы, заставить дѣйствовать въ его жизни великую преобразующе-созидательную энергію Православія. Духовенство наше вынуждено было лишь стараться поддерживать въ своихъ пасомыхъ негативныя добродѣтели.

. Зачастую ищущіе элементы поэтому и уходили въ сектанты, надѣясь осуществить въ немъ тѣ идеалы нравственности и нравственной культуры, которыхъ они не видѣли въ быту своихъ православныхъ братьевъ. Если сектантство и не давало имъ полноты подлинной Православной церковности, которая, кстати сказать, была вообще далека отъ осуществленія въ обычныхъ

*) «Сказаніе» написано въ 1921 году и нигдѣ, кажется, до сихъ поръ не напечатано.

условіяхъ русской жизни, то по крайней мѣрѣ къ упрощенному христіанству евангелическаго типа они получали самый широкій доступъ. Бывали случаи, когда крестьяне или рабочіе возвращались изъ «штунды» въ Церковь, научившись и грамотѣ, и священному Писанію и этимъ именно путемъ пріобрѣта возможность болѣе сознательнаго отношенія къ религіозной жизни и къ религіознымъ вопросамъ.

У сохранявшихъ же вѣрность Церкви, благодаря мертвяще-казенному духу благочестія, выработалось постепенно чувство пассивнаго пріятія «міра, во злѣ лежащаго». Все совершающееся и въ отдѣльной человѣческой жизни и въ жизни общественной и государственной опредѣлялось тремя двигателями: «*Богъ помогъ.*» «*Богъ попустилъ.*» «*Лукавый попуталъ.*»

Четвертаго двигателя — творческой христіанской свободной воли какъ будто и въ поминѣ не было.

При этихъ условіяхъ «мірскаго монастыря» простонародной жизни неизбежно долженъ былъ подвергнуться разложенію подъ натискомъ той силы, которую приносилъ такъ называемый «прогрессъ». Онъ погасилъ и потрясъ прежніе идеалы и установки жизни, и на мѣстѣ отсутствовавшей христіански свободной воли водрузилъ безбожное *своевоеліе*.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ проходилъ у насъ постепенный процессъ обезбоживанія простаго народа.

Вѣра линяла, какъ линяютъ краски на холстѣ, обнажая сѣрый грунтъ. Тотъ фактъ, что въ вѣрѣ мужицкой, особенно въ синодальный періодъ, всегда было больше страха наказанія, чѣмъ любви, облегчалъ дѣло обезбоживанія массъ. Развѣянный страхъ сразу будилъ всѣ инстинкты темные, звѣринные, земляные. Рано или поздно они должны были прорваться, послѣ того какъ натискъ «прогресса» сломалъ ограду простонароднаго «мірскаго монастыря». И моментъ наступилъ. Соблазнъ опалилъ души, помрачилъ сознаніе.

Соблазнъ былъ страшенъ и жгучъ: отпихнуть въ сторону и адъ и рай, о которыхъ что-то невнятное говорили «попы» и устроить свой рай, вотъ тутъ, въ своихъ собственныхъ хатахъ, понѣжить кости мужицкія всѣми благами, давно уже дразнящими и теперь доступными, да кстати ужъ и «погулять во всю» — натѣшиться надъ тѣми, которые «нарочно держали народъ въ темнотѣ и тѣснотѣ».

Религіозная стихія, какъ органическое свойство русскаго духа, ничуть не утратилась народомъ. Она съ одной стороны временно заглохла, анестезированная предварительной обработкой мужицкаго сознанія и хмѣлемъ «разгула», а съ другой стороны, помраченная любопытно-алчнымъ стремленіемъ «пожить по ново-

му праву», потекла по руслу фанатического безбожмаго изувѣрства.

И первый періодъ революціи весь прошелъ въ звѣриныхъ вопляхъ раздраженнаго чрева передъ лицомъ добычи. Это и былъ періодъ «разгула». «Гуляла» и новая власть. Въ первоначальномъ террорѣ вообще, въ частности же въ террорѣ противощерковномъ, гораздо больше было хулигански-злобнаго и мстительнаго озорства, чѣмъ какой-то продуманной системы.

Щерковь преслѣдовалась какъ нѣчто отъ стараго режима. Обвиненія въ контръ-революціи, предъявляемыя ей тогда, если и были ложно подтасованными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то въ общемъ, несомнѣнно, основывались на крѣпкой увѣренности новой власти въ политической неблагонадежности щерковныхъ сферъ.

Въ самый первый моментъ революціи власть обрушилась на Щерковь при извѣстномъ, пожалуй, сочувствіи взбаламученныхъ народныхъ массъ. Но недоброжелательное недовѣріе къ Щеркви, заразившее въ моментъ переворота даже далекіе отъ коммунистическихъ симпатій слои рабочихъ, отчасти и крестьянъ, скоро развѣялось. *Послѣ долгихъ вѣковъ Россія увидала и поняла, можетъ быть, впервые, что Щерковь отъ Бога, а не отъ государства получаетъ свое истинное бытіе.*

Волѣ Высшаго Промысла было угодно, чтобы именно въ это время, при первыхъ раскатахъ большевистской революціи, преображенное Патріаршествомъ, соборное Православіе явило ликъ смиренно-величественный, благостно-прекрасный....

Вся страна, конечно, не могла ни увидѣть, ни почувствовать сразу сіянія обновленной Щеркви. Далеко было до центровъ, гдѣ въ первую очередь перестраивалась щерковная жизнь, да и не до того было: революціонная волна въ это время еще только разбѣгалась по русскимъ просторамъ...

Первая склонилась передъ Щерковью интеллигенція. Не то чтобы она вся сразу мгновенно увѣровала въ отрицаемаго ею дотолѣ Бога, но она была растеряна, ошеломлена неожиданнымъ исходомъ столь желаннаго освобожденія, она ощутила свою отбрсшенность революціей, свое безсиліе и одиночество въ кровавомъ вихрѣ событий. Съ изумленіемъ она замѣтила, что во всеобщемъ хаосѣ одна только Щерковь не поколебалась, каждымъ шагомъ своимъ свидѣтельствуя готовность нести Крестъ Христовъ до конца подъ всѣми ударами настоящаго и будущаго.

Вскорѣ чувство Щеркви стало пробуждаться и въ народныхъ массахъ. Оно развивалось пропорціонально разочарованію въ «завоваеваніяхъ революціи». Хмѣль расѣивался. Разруха

и голодь въ странѣ наводили панику. Не захваченная партійными сѣтями, часть рабочаго класса, ощущая на себѣ гнеть совѣтскихъ цѣпей и не умѣя ихъ сбросить, потянулась къ религии отъ смрада «пролетарскихъ клубовъ» отъ клокочущей кругомъ ненависти, зависти и разрушительной злобы. Только въ Церкви и около Церкви можно было дышать чистымъ живительнымъ воздухомъ. Деревня, послѣ оконченнаго праздника революціи, тогда вступилась было за своихъ «поповъ». Но на первыхъ порахъ она старалась сберечь ихъ для себя не столько на потребу покаянія въ грѣхахъ и усердной молитвы, сколько изъ чувства бытового самосохраненія, подказаннаго инстинктомъ самосохраненія экономическаго. Не получивъ отъ большевизма и половины обѣщанныхъ благъ, увидавъ, какъ дорого за эти блага приходится платить, мужицкая Россія въ лицѣ своего зрѣлаго поколѣнія совершенно разочаровалась въ новомъ режимѣ. А разочарованіе привело къ «переоцѣнкѣ цѣнностей»: «попа» и Церковь она опять ощутила какъ *свое* — вѣковое и крѣпкое, которое надо беречь какъ свою избу, свой надѣлъ.

Но повернувшееся спиной къ революціи народное большинство, ни революціи, ни ея послѣдствій не избыло. Массы не сумѣли противопоставить большевистскому своеволю своей воли; во многихъ случаяхъ не сумѣли онѣ оградить отъ отравы большевизма не только молодого поколѣнія, но даже подростковъ и дѣтей.

* * *

Разрывъ поколѣній нигдѣ вообще не сказывался съ такою силою какъ въ Россіи. Тема «отцовъ и дѣтей», по цѣлому ряду причинъ, преимущественно *наша* тема. За нѣкоторое время до революціи она вошла и въ простонародную жизнь. Революція же, съ ея упорнымъ стремленіемъ къ идейной и моральной денатурализациі наиболѣе податливыхъ элементовъ, разрывъ этотъ чудовищно обострила. Разложенію семьи способствовала, кромѣ того, социальная и экономическая обстановка большевистской разрухи, которая создала не только два взаимно-чуждыхъ, а иногда подозрительно-враждебныхъ фронта «отцовъ и дѣтей», но цѣлую небывалую нигдѣ категорію «безотцовскихъ дѣтей» — духовныхъ пріемышей піонерства и комсомольства. «Не помнящимъ родства» сталъ въ совѣтской Россіи не только несчастный *безпризорный* бродяга, трагически потерявшій семью, но подростокъ и юнша, намѣренно отъ семьи оторвавшійся или оторванный. Русскій коммунизмъ, утверждающій весь паѣссь своего строительства на абсолют-

ной ампутации всякаго прошлаго, всякаго историческаго наследія и преемства, выработалъ особую психологію, особое самоощущеніе и міроощущеніе подъ лозунгомъ «безъ вчерашняго дня». За двѣнадцать съ лишнимъ лѣтъ память о вчерашнемъ днѣ вообще въ Россіи очень ослабѣла: у однихъ эту память «отшибъ» терроръ и каторжная борьба за существованіе; другимъ, — молодымъ, а особенно совсѣмъ юнымъ помнитъ то уже было нечего! Они выросли въ искусственной атмосферѣ, старательно изолированные отъ всякихъ вліяній со стороны.

Когда руководителямъ русскаго большевизма понадобилось объявить окончательно войну всѣмъ моральнымъ основамъ жизни, укрѣпляемымъ теперь духовно преобразившейся Церковью, то они рѣшили для этой войны сформировать особую армію, которую при случаѣ всегда можно пополнить насильственной мобилизаціей подсобнаго ополченія изъ среды особенно запуганныхъ, затравленныхъ и потому автоматически повинующихся совѣтскихъ «гражданъ». Если такое «ополченіе» активно наступать и не будетъ, то оно дастъ то, что въ театрѣ называется толпой статистовъ и выпускается въ массовыхъ сценахъ.

Но для боеспособности всякой арміи ей необходимъ прежде всего подъемъ. Обетшала «идея» коммунистическаго «строительства», неудачливаго на всѣхъ фронтахъ, порыва къ борьбѣ дать не могла.

Большевицкая революція, яростно выметая всѣ слѣды «вчерашняго дня» рѣшила вдохновить свою армію, составленную преимущественно изъ «безотцовскихъ дѣтей», паёсомъ *черной вѣры* и бросить ее въ атаку на Православную Церковь, а кстати уже и на всѣ безъ различія религіозныя исповѣданія.

Кадры воинствующихъ безбожниковъ, руководимые и поощряемые государствомъ, выпущены были въ полномъ своемъ составѣ для открытаго боя уже тогда, когда власть длительной системой непрекращающагося, сложно-утонченнаго террора обезсилила все населеніе Россіи сверху до низу и лишила его всякой возможности физическаго сопротивленія.

Новая секта, безудержная и жестокая, очумѣлая отъ своей *черной вѣры* начала править тризну по христіанству совершенно въ такомъ же состояніи дикаго транса, въ какой впадаютъ какія нибудь чернокожія племена, совершая челоуѣческія жертвоприношенія своимъ богамъ...

Эта страшная и безумная тризна съ каждымъ днемъ становится яростнѣе: разрушаются до основанія сотни храмовъ, даже тѣ изъ нихъ, которые еще такъ недавно охранялись самой же властью въ качествѣ «памятниковъ искусства и старины»; сдираются древнія иконы и летятъ въ огненные костры; вѣко-

вые колокола замолкаютъ, снимаются для расплавки... Кажется, издали видны остервенѣлыя лица разрушителей, ихъ звѣриный ревъ достигаетъ во всѣ концы міра, и создается такое впечатлѣніе, что уже не изъ глубинъ Азіи, а изъ нѣдръ самой Россіи въ двадцатомъ вѣкѣ вырвались полчища «внутреннихъ гунновъ» или татаръ, саранчою все уничтожающихъ на своемъ пути...

* * *

На тринадцатый годъ изступленнаго богоборчества и войны, объявленной всѣмъ основамъ христіанской нравственности, неужели еще можно говорить о «шайкѣ, захватившей власть»; о большевизмѣ, какъ о явленіи намъ *чуждомъ* и *навязанномъ* націи путемъ обмана и террора? Эти тысячи комсомольцевъ, которые, на подобіе старо-новгородскихъ ушкуйниковъ, неистово громятъ всю страну, развѣ онѣ привезены къ намъ въ «запломбированномъ вагонѣ?» Ничтоженъ былъ бы тотъ народъ который изъ одного лишь рабскаго страха, терпѣлъ бы надъ собою издѣвательства кучки какихъ то пришельцевъ.

Нужно рѣшиться признать, что большевизмъ есть явленіе чисто русское, такое же *кровное*, какъ «двѣнадцать разбойниковъ», какъ «Тушинскій воръ» со своими сторонниками, какъ пугачевщина, какъ всякая вообще безчинствующая русская *вольница*, въ извѣстные моменты подавляющая своимъ злобно-отчаяннымъ *своеволіемъ* мало развитую волю и мало развитое нравственное и религиозное сознаніе народа.

До сихъ поръ въ русской исторіи наблюдались сравнительно незначительныя *колебанія почвы*; теперь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ гигантскими землетрясеніемъ, отъ котораго задрожала шестая часть всего земного материка. И нѣтъ нужды въ томъ, что большевизмъ явилъ себя въ формѣ коммунистической партіи, что къ нему прицѣпили флагъ Карла Маркса и еще какіе-то малопонятные для народа лозунги. Коммунизмъ въ большевизмѣ русскомъ играетъ такую же точно роль, какъ титулъ «Государя Петра Ѳеодоровича» («для порядка» присвоенный себѣ Пугачевымъ) игралъ въ буйномъ возстаніи казаковъ и крестьянъ.

Русская революція есть клокочущее изверженіе сплава грѣха, невѣжества, буйства и безпокойно-безотчетныхъ исканій, которые накопились въ народѣ съ момента его пораженія татарами, накопились и подъ пятой воеводъ московскихъ государей и подъ скипетромъ императоровъ, ошибочно опредѣлявшихъ милліонныя массы своихъ вѣрнопопанныхъ какъ нѣкую весьма мирную «сѣрую скотинку», покорную, тихую и неразсуждающе богобоязненную.

Русская Церковь въ лицѣ своихъ не только высоко христіански настроенныхъ, но исключительно духовно одаренныхъ, мудро прозорливыхъ руководителей раньше всѣхъ поняла и существо русской революціи и ея вѣроятный конечный исходъ. Она, вопреки надеждамъ и пожеланіямъ большинства (особенно большинства зарубежнаго), не стала бороться съ государственнымъ строемъ, принесеннымъ въ Россію бушующимъ потокомъ революціи, не возстала противъ временныхъ формъ большевизма, но крѣпко противопоставила *самому существу* русскаго недуга свою неколеблущуюся силу. Церковь убѣдилась въ томъ, что всѣ *порывы религіознаго чувства*, проявлявшіеся иногда очень внушительно въ народныхъ массахъ съ первыхъ моментовъ переворота, не имѣютъ въ себѣ достаточно упора и повелѣвающей энергіи, чтобы остановить бѣшено текущую лаву; что лишь глубокое *религіозное сознаніе* способно побѣдить смутныя, сбивчивыя, безумно-бредовыя исканія большевизма, уже теперь ощущающаго свое безсиліе и борющагося съ нимъ пьянымъ возбужденіемъ террора.

Православіе не знало ни религіозныхъ войнъ, ни крестовыхъ походовъ. Не въ его высокомъ христіанскомъ строѣ и трезвенномъ духѣ исповѣдовать вѣру свою мечомъ, взывать къ страстямъ толпы, хотя бы и самымъ какъ будто благороднымъ, и на взрывѣ этихъ страстей строить свою борьбу и свою побѣду.

Мечъ и кровь — область фанатическаго Ислама. Лишь ущербленное западное христіанство могло прибѣгать къ нимъ, какъ къ средству для не апостольскаго и не христіанскаго распространенія своего владычества. Но истинное Православіе не можетъ слѣдовать по этому пути, сколько бы ни взывали къ нему истерзанные и ослѣпленные своимъ страданіемъ люди.

Отъ Христа «испившаго до конца чашу униженій и мукъ», отъ Христа связаннаго, потомъ распятаго, отрекся въ смущеніи даже величайшій изъ Его Апостоловъ и убѣждали ученики... И Христось, провидя и смущеніе и измѣну вѣрныхъ, сказалъ: «когда вознесенъ буду отъ земли всѣхъ привлеку къ себѣ».

Путь Русской Православной Церкви мало и трудно понятенъ міру — путь спокойнаго незлобія посреди бѣснующихся, путь терпѣнія, отвергающаго всякую помощь земной человѣческой силы. Путь Христа, сказавшаго Петру: «вложи мечъ въ ножны». И мы русскіе, въ большинствѣ нашѣмъ его не вмѣщаемъ. Не вмѣщаетъ его ни оскорбленное наше сердце, ни наша человѣческая любовь къ нашей поруганной землѣ и поруганнымъ святынямъ; не вмѣщаетъ его и наше старое «православіе», вѣками опиравшееся на государственный мечъ,

то «православіе», которое безпомощно и робко отступило передъ огнедышащимъ изверженіемъ большевизма изъ глубины темныхъ русскихъ нѣдръ, и всѣми слезами своихъ вспугнутыхъ и усумнившихся душъ не могло залитьъ всероссійскаго пожара...

Церковь въ лицѣ своихъ верховныхъ руководителей не отступаетъ ни передъ гонителями, ни передъ тѣми, кто призываетъ ее обнажить мечъ «въ защиту православной вѣры».

Незамѣтное для нашихъ глазъ, совершается дѣло духовнаго обновленія въ русскомъ народѣ. Сѣмя посѣянное «при дорогѣ», и «на каменистомъ мѣстѣ» и въ «терніи» не можетъ «дать плода»...Еще бурлитъ, ища настоящаго русла истины, религіозная стихія среди самихъ вѣрующихъ. Широко, какъ никогда, раскинулось въ Россіи сектантство. Самое мученичество Церкви явилось соблазномъ для тѣхъ, которые вѣру свою строили на пескѣ чувства, бытовыхъ привычекъ и пассивнаго пребыванія въ оградѣ церковной. «Богъ попустилъ!» какъ молнія, опалило ихъ умъ, когда разливъ богоненавистничества потрясъ видимыя, рукотворныя святыни Православія. И опаленному уму предсталъ соблазнъ сектантства: «Богъ попускаетъ потому, что и храмы и иконы были ему неуютны».

Сектантство повлекло къ себѣ и тѣхъ, кто упрямо продолжалъ подозрѣвать въ Церкви враждебную силу контръ-революціи, силу «стараго строя», а между тѣмъ растревоженнымъ духомъ искалъ Бога. Сектантство «всегда гонимое», пытается облечься ореоломъ истиннаго христіанства, не связаннаго ни съ какимъ государственнымъ строемъ.. Оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемлѣе и для сдавленнаго марксизмовъ сознанія кающагося комсомольца...

И передъ лицомъ безбожія, построеннаго на «научныхъ основахъ матеріализма», и передъ лицомъ раціоналистическихъ сектъ, отвергающихъ «суевѣрные обряды» Православія, вѣрующій русскій человѣкъ долженъ, наконецъ, осознать и исповѣдать свою вѣру; изъ области исключительно эмоціональной перенести ее въ область сознанія и творческаго духа; принять Православіе всѣмъ своимъ существомъ какъ основу жизни, какъ «столпъ и утвержденіе истины».

Какъ ни оторваны мы отъ Россіи, но уже доносятся оттуда свидѣтельства о томъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще «сѣмя» Православія падаетъ «на добрую землю». Не въ центрахъ только, гдѣ сосредоточены главныя силы Церкви, но въ глухихъ деревенскихъ углахъ «споры о вѣрѣ» ведутся и разрѣшаются въ теченіе вѣковъ неслыханнымъ въ Россіи путемъ: сельскій священникъ явившійся въ деревню, гдѣ православные и баптисты состязаются въ вѣрѣ недоброжелательными словами

и дѣйствіями, предлагаетъ и тѣмъ и другимъ начать *«состязаться въ любви»*...

Сіяніе преображенной Церкви, постепенно пробивая кромѣшную тьму *черной вѣры*, расходится съ вершинъ церковныхъ животворящими лучами по русской землѣ избитой, оскверненной, окровавленной. И въ сіяніи этомъ нѣтъ ни гнѣва, ни страха, ни мести, а только молитва и любовь. Молитва Голгофы, молитва распятаго Господа: «Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають». Любовь Христова призывающая всѣхъ измученныхъ, растерянныхъ, маловѣрныхъ: «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ»...

* * *

Когда нападаютъ на государство, то оно своимъ оружіемъ и защищается — войной, кровавымъ уничтоженіемъ врага. Но когда на Церковь нападаютъ ея внутренніе враги, т. е. хотятъ *запретить дѣйствию силы Божіей въ вѣрующихъ*, то эта сила Божія не можетъ обороняться государственнымъ оружіемъ, она защищается оружіемъ Христовымъ — духовнымъ просвѣщеніемъ и спасеніемъ врага черезъ любовь къ нему. Церковь не можетъ впадать въ панику, взывать къ воздѣйствію матеріальной силы, иначе это будетъ не Церковь въ ея соборной полнотѣ и благодати Св. Духа, а лишь собраніе номинальныхъ христіанъ, выронившихъ изъ рукъ оружіе вѣры и любви.

Церковь, сама не посягая на жизнь и душу согрѣшившаго, не можетъ и ополчатъ на него тѣхъ, которые хотятъ его погибели. Если бы даже и удалось матеріальному оружію истребить грѣшниковъ, то такая побѣда не только не будетъ побѣдой Церкви, а свидѣтельствомъ ея безсилія, ея покинутости Христомъ. Церковь никакого преступника не можетъ ненавидѣть, она ненавидитъ только *грѣхъ, его одолѣвшій*, и только съ грѣхомъ борется, противопоставляя натиску грѣха и злобы слова Христовы: «не бойтесь, Я побѣдилъ міръ». Ибо если она во-истину Церковь, а именно подлинное Христово, Тѣло то она должна и дѣйствовать по разуму Христову. А борьба кровопролитнымъ оружіемъ есть дѣйствіе не по всеблагому разуму Христову, но по страху и злобѣ человѣческимъ. И такая борьба *грѣха не убиваетъ*, хотя и убьетъ согрѣшившаго, — мало того: она усиливаетъ и порождаетъ грѣхъ,

Слова *«врата адовы не одолѣютъ»* (Церкви) отнюдь не означаютъ того, что въ какой-то моментъ матеріальная человѣческая сила избавитъ Церковь отъ гоненій, поставитъ ее въ полную физическую *безопасность*... Христосъ ни апостоламъ, ни всѣмъ своимъ истиннымъ послѣдователямъ не обѣщаль

безопасности, говоря: «и будете всѣми гонимы за Имя Мое»... «Врата адовы» разверзаются часто передъ Церковью не со стороны только ея явныхъ гонителей, но и со стороны заблуждающихся ея послѣдователей, искушающихъ Церковь соблазномъ меча, обезпечивающаго ей «тихое и мирное житіе» и ту «свободу совѣсти», которую такъ легко преодолеваетъ въ благополучномъ западномъ мѣрѣ не воинствующее и безумно-больное безбожіе русскихъ «разбойниковъ», а спокойный, сытый «культурно»-самоувѣренный буржуазный атеизмъ.

Католическая инквизиція была свидѣтельствомъ того, что на западѣ притупилось до безсилія оружіе силы Христовой. Православіе же охранялось лишь щитомъ благодати Св. Духа.

Если думать, что Русская Церковь спасена будетъ только государствомъ или черезъ государство насиліемъ и мечомъ, то надо отказаться отъ того члена Символа вѣры который исповѣдуетъ «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», а затѣмъ уже отказаться и отъ вѣры во Христа, ибо если Тѣло Его немощно и безъ охраны мірскихъ стражей, не живетъ, не животворитъ и не спасаетъ, то и Христосъ не Богочеловѣкъ и вѣра въ Него напрасна...

А вѣровать въ Церковь не значитъ только посѣщать богослуженія и держать посты, но «во вся дни живота нашего», даже въ самые лукавые дни, ощущать и сознавать ея *надмірную незыблемость и истину* и исповѣдовать эту незыблемость и эту истину, если и «ни одного храма рукотворнаго не останется, если пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ и знаніе упразднится», ибо «любовь никогда не перестаетъ».

Быть христіанами настолько недостижимо трудно, что безъ помощи Христа не вступить человѣку на «узкій путь», не приблизиться къ «тѣснымъ вратамъ» Царства Божія. И не приѣмлютъ «мѣхи ветхіе» нашего полуязыческаго сознанія той правды истиннаго христіанства, которую несетъ міру преображенная Русская Православная Церковь подъ ударами своихъ враговъ, среди недоумѣнія и ропота «ревнителей вѣры».

М. Курдюмовъ.